Исцеление Ильи Муромца (5)

Жили-были мужик да баба. У их был сын. Сын этот был нездоровый. Тридцать лет и три года был
он без рук, без ног и слепой, не видел. Ну, отец да мать у его пошли цистить полё. Сын этот лежит на
кровати. Сын лежит на кровати, отец да мать его ушли, заходят к им в дом два целовека, прохожаи
какие-то незнакомыи. Поздоровались. «Проходите, говорит, ребята». Они по полу прошли. «Давай,
вставай, говорят, принимай гостей. Подай, говорят, нам хоть по чары зелена вина». Он говорит;
«Ой, робятушки, я не то вам подать, я от вас принять рад, я лежу тридцать три года без рук, без ног и слепой».

Ну, они подумали, сами промежу́ поговорили, вымают бутылку. Вамают бутылку, наливают стопку,
поднесли ему ко кровати. «Ну, говорят, говоришь, ты рад от нас принять, так вот тебе, выпей от нас
чару зелена вина». Он говорит: «Я в руки сам не мо́гу взять и на ноги не могу стати. Ну, говорит, давай,
поднесите ближе, я ведь глотать могу». Они поднесли, в рот ему вылили, он поглотал это, выпил, и стал
вставать с койки. С койки встал и пошел по полу. Начал по полу похаживать, поскрипывать. Они
поглядели на него, посмотрели: «Ну, говорят, сколько ты чувствуешь, имеешь ты над собой силы?»
Он говорит: «Я чувствую нынце сил столько, говорит, что если бы было вокруг земли-матери кольцо,
так я бы всю матерь-землю вокруг повернул».

Они подумали, переговорили промежду собой и говорят: «Его не будет земля-матерь носить, у него
надо силу убавить». Они вынимают другую бутылку, наливают опять ему стопку: «Ну-ко, говорят, давай,
вторую выпей». Он опять взял, тут уже сам, своими руками взял вино, выпил и похаживает по полу. Они

опять спросили: «Ну, говорят, как перед давешним чувствуешь сам себя? Сколько силы имеешь
в себе?» — «Да, говорит, перед давешним вполовину, говорит, меньше я чувствую». — «Ну ладно, говорят,
тогда живи, а мы пойдем».

Ну ладно, они тут попрощались и ушли, эти прохожаи два. Он обулся, оделся и пошел к отцу,
к матери, где его отец с матерью поле чистят. Отец с матерью увидали: смотрят — он идет, сын ихний.
Подошел. Они в обморок пали, просто это... тридцать три года уже лежит, не встает.

Ну, тут он подошел, их поднял и стал им помогать поле чистить. Поле это было возле озера, так он
лесину возьмет, с кореньями оторвет, мечет в озеро, сколько сил у его много, не только что он топором...
Ну, метал он и метал, лесины рвал, много он тут места вычистил, озеро всё замуромил. А его звали
Ильей. И его про́звали поэтому стар казак Илья Муромец: он замуромил, всё заметал озеро. Ну, мать
и отец стали ему говорить: «Хватит тебе, давай пойдем домой». Пошли домой. Дома он немного пожил,
несколько суток, стал у матери-отца просить благословления ехать в стольний Киев-град. Они ему это
благословление, решений не давали, говорят: «Ты столько лет лежал да стал ходить и хочешь уехать
от нас». А он говорит: «Да ведь я и без благословления поеду, все равно пойду, мне охота съездить
и дайте-ко мне-ко коня». Ну, они поплакали, поплакали, ничего не сделаешь, коня ему хорошего дали,
и он поехал на кони.

Едет. Ехал он, ехал он — стоит на росста́нях столб. Приколочена на столб доска, на доски написано:
«По одной дороге поедешь — богатый будешь. По второй дороге поедешь — женатый будешь,
по третье́й дороге поедешь — живой не будешь». Он думал-подумал, сидит на кони. «А на что мне, говорит,
на старого богатство, а на что мне на старость жанится. А я поеду лучше по

той дороге, по которой жив
не буду». И поехал. Едет — лес видит. На лесу сидит там Со́ловей Рахматович. Он заселился там, сидит
тридцать лет и свисто́м людей убиват. Если что, целовек идет, едет ли откуль ли, он засвистит во весь
полон свист, целовек не может переносить, просто падат и умират.

Ну, едет — Со́ловей Рахматович сидит. Соловей Рахматович увидел этого человека, он засвистел, заревел
во весь полон свист. У его конь на коленци пал, а он все равно не пал, сидит на коне, все равно
сильный. Он коня хлопнут по спине: «Ах конь, говорит, ты конь, травяной мешок. Не видал, говорит,
ты, не слыхал ты ворони́ного граянья, соловьиного посвисту». Конь встал на ноги. А у него была стрела,
лук. (*Это раньше орудия такая была, лук да стрела.*) Он зарядил стрелу, навел на Соловья Рахматовича
стрелу и стре́лил, и приговаривал: «Лети, стрела, выше леса, выше темнаго, выше облака.., залети
Со́ловью в правый глаз». Стрела полетела, залетела Со́ловью, куда он наметил, Соловью в правый глаз.
Соловей не замог там сидеть, там, на дубах сидел, на семи дубах сидел, на семи поддубках, ну он не
замог сидеть, встал, полетел. И этот стар казак Илья Муромец подгонил его, и он пал, полетел, он
подгонил его и на коня его взял себе. Ну, он не убился, он живой, он только не замог, у него глаз
прострелили. Взял его на коня и поехали вмести́.

Ехали они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Приехали они в стольный Киев-град. Там цари
собрались, пируют, собраны бояре толстобрюхие. Гуляют, пьют тут, веселятся. Ну, этот стар казак Илья
Муромец зашел, который лежал тридцать три года. Зашел, поздоровкался, поклонился, все тоже
поздоровались, видят — целовек незнакомый, спросили: «Откуль, говорят, прависся, куда путь держишь?»
А он говорит: «Я вот оттуль и оттуль правлюсь, говорит, по той-то, по той-то дороге». А они-то
говорят: «Ох ты, добрый молодец, не пустым ли ты да похваляешься? Эта

дорога уже запала тридцать
лет. Добрый молодец не прохаживал по этой дороге, черный ворон не пролетывал. Заселился тут Соловей
Рахматович, свистом людей убиват». Он говорит: «Да если, говорит, вам надо поинтересоваться, посмотреть,
я, говорит, могу Со́ловья Рахматовича в избу к вам завесть, если вы разрешите да если вам желательно
посмотреть». Они у царя попросили разрешения, царь дал разрешение, и сам хочет посмотреть. «Давай,
говорит, заведи, если ты так говоришь, если есть он у тебя». Он пошел, попросил у него, Соловей
Рахматович слезат с коня, заходит в избу: ему уже деваться некуда. Зашли в избу, Соловей Рахматович
тоже поздоровался, люди с ним поздоровались. Ну, царь ему сказал: «Ну, говорит, давай». (*Он этому
сказал, Ильи-то Муромцу.*) «Давай, говорит, заставь ему засвистеть, вот мы слыхали, что он свисто́м
людей убиват, дак в полу́свиста, только не во весь полон свист». Он ему сказал, приказал, а он, Соловей
Рахматович, осердился тоже, что там вот так сделали, он заревел, засвистел, да во весь полон свист.
Тут люди со свисту его, кто живой, дак живой остался не живой, так много мертвых оказались, не могли
это вынести его. Мало живых остались, ну царь, правда, тоже живой, кое-как живы остались, но много
мертвых. Ну, тут царь тоже рассердился. Ну, царь и... переговорили и вынес такое решение: этого
Соловья Рахматовича чтобы убить, а старого казака Илью Муромца посадить в темный погреб на тридцать
лет. (*Это который привез-то его.*) Ну, раз царь приговорил, такое решение вынес, они выше царя тоже
не могут. Соловея Рахматовича убили, а старого казака Илью Муромца посадили в темный погреб на
тридцать лет. Приказал царь слугам, слуги свели, посадили его. Сидит. Ну, ладно, сидит.

А это у царя жена вздумала его там ходить, пропитывать ему, его кормить в темном погребу. Стала
его ходить пропитывать, еду ему стала носить, а он сидит, попросил книгу Евангелие читать, это старинну

книгу. «Мне, говорит, сидеть так скушно». Ну, там како-то освещенье там тоже есть ему, немножко.

Жена эта у царя, принесла царица ему книгу, а от этого царя воровски, чтобы царь не узнал. Она ему
принесла книгу, еду носит его пропитывать, живет стар казак Илья Муромец.

Проходить уже стало тридцать лет, уже исполнилось, он все жив сидит. А после кака-то война стала,
Эта война пошла на царя. А царю обороны нету. У царя боронить некому. Он тогда это вспомнил и стал
говорить: «Да, говорит, был бы стар казак Илья Муромец, дак может быть оборонил бы меня». А жена
у царя, эта царица и говорит: «А может, говорит, он и живой сидит?» Она-то знат, что он живой сидит.
Кормит его ходит. А царю-то не сказыват. Он и говорит: «Ох ты, говорит, баба, волос у тебя долог,
да ум короток. Может ли, говорит, целовек тридцать лет без мяса сидеть в погребу, говорит». А она всё
равно настоит: «Все же, говорит, надо посмотреть». Ну царь и решил, и слуг послал. «Сходите, говорит,
посмотрите в темный погреб, как там стар казак Илья Муромец, есть, нет, говорит, жив». Слуги пошли
у царя, погреб открыли, посмотрели — он сидит, бел, как куропат, голову́ согнул, смотрит книгу Евангелие
читат. Слуги сказали. Говорят: «Стар казак Илья Муромец, тебя царь просит выйти на поверхности».
Он головы не поднимат, сидит, всё читат. Он только осердился, что его так царь посадил. Они три
раза ему так говорили, он всё сидит, головы не поднимат, книгу Евангелие читат. Пришли, царю
доложили, царь подумал, стал жену свою посылать: «Ну-ко, говорит, сходи ты, может, он тебя послушает».
А та дело знает уж, его пропитыват, да то всё это такое, пришла: «Ну, говорит, стар казак Илья
Муромец, вот так-то, так, меня хозяин послал к тебе». Он закрыват книгу Евангелие, выходит из погреба,
ей послушал (*всё-таки она кормит там*). Послушал, вышел из погреба, вылез он, как бел ку́ропат. Ну,

тут царь посмотрел, поглядел, удивился все это, ну тут стал его просить: «Давай, говорит, стар казак
Илья Муромец, послушай меня, пожалуйста. На меня, говорит, войной пошли, меня, говорит, оборонить
некому. Не мог ли меня оборонить, как-то меня тут защитить?». А раньше никакой орудии не было,
механизации никакой не было, только поедут на лошадках да пешком пойдут. Он говорит: «Конь
есть у тебя хороший?» — «Есть», — говорит. — «Ладно, говорит, приготовь два коня, поедем с тобой
в чисто поле». Царь заставил слугам, коней подготовил, на ко́ней настелили постилку, ковры, и поехали,
отправились царь да стар казак Илья Муромец.

Выехали они в чисто поле, там на его, в общем, тут така Орда неверная, народ — на царя. Этот
стал казак Илья Муромец по чисто́му полю поезживать, у него така орудия, какая-то палица буевая была,
этой палицей буевой помахивать, по людям поезживать, кого махнет, коснет, так на две, на три части
целовек... Этак поезживал, поезживал, поваживал палицей буевой, всю эту Орду присек. Ну, и остались
они с царем, поехали домой. Тут царь опять собрал какой-то пир, начал угощать старого казака Илью
Муромца, потом старого казака Илью Муромца взял к себе уж, как на престол тут, на содержание, стал
поить, кормить его, хорошо держать, ну, правда, он тут постарел, жил немного, потом он старый был
и умер. (*Вот и всё, кончилось представленье, сказке конец.*)

(Зап. Вдовченко Н. В.: лето 1980 г., хутор Алёхино (рядом с сел. Сергиево-Щелья) Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Семеновой Марфы Алексеевны, 63 г. (уроженки д. Барашки).)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.